

градского Кировского завода и харьковского дизельного завода №75 в Челябинск прибыло 7 664 человек рабочих и 2218 инженерно-технических работников (10).

Очевидно, что существовавшая на Урале система приема и размещения эвакуируемых производственных мощностей и гражданского населения, объективно не могла справиться с нахлынувшим потоком перевозок. Мероприятия, проводимые местными партийными и хозяйственными организациями всех уровней, давали положительный, но, к сожалению, лишь временный эффект: увеличение затрат на оборудование мест погрузки-разгрузки вагонов, создание на предприятиях специального премиального фонда, направленного на улучшение разгрузки вагонов, строительство барачных и общежитий, сокращение минимальной площади, отводимой на одного человека, запрещение направлять на определенные территории эвакуированных и т.д. Коренным образом ситуацию могло исправить только увеличение затрат на строительство жилья, но в условиях войны это было не возможно.

1. Дементьев Б.В. Экономика Урала в годы Великой Отечественной войны //Урал в стратегии Второй мировой войны. Екатеринбург, 2000. С. 91.
2. История КПСС. Т. 5. Кн. 1. М., 1970. С. 296.
3. Батыров У.А. Деятельность КПСС по развитию танковой промышленности на Урале в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Дисс. ... к.и.н. Челябинск, 1982. С. 65.
4. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 36. Д. 342. С. 24.
5. Потемкина А.А. Эвакуация населения в уральский регион // Урал в стратегии Второй мировой войны. Екатеринбург, 2000. С. 159.
6. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 36. Д. 336. С. 7.
7. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 198. С. 23.
8. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 6. Д. 294. С. 1-2.
9. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 6. Д. 294. С. 3.
10. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 6. Д. 292. С. 63.

Мельникова Н.В. (Екатеринбург)
Общественно-политическая активность населения
во второй половине 1940-х – 1960-е гг. (на материалах
закрытых городов Урала)

Закрытые административно-территориальные образования (ЗАТО) – искусственно создаваемые поселения. Их появление и основная производственная деятельность во второй половине 1940-х – 1960-х гг. были политически значимы для всей страны. Руководство атомного проекта, а значит и руководство страны, строго контролировало все, что было связано с секретными объектами. Начиная от создания и сохранения особого режима секретности и гостайны до частных интересов и умонастроений граждан ЗАТО. Как справедливо заметили академики В.В. Алексеев и Б.В. Литвинов (1), весь уклад жизни в закрытом городе олицетво-

рял тоталитарный строй. Общественно-политическая активность населения закрытых городов соответствовала аналогичной деятельности в рамках страны в целом, отражала происходящие в ней процессы.

Для конца 1940-х и 1950-х гг. характерна большая вовлеченность жителей ЗАТО в различные формы общественной и политической деятельности. Активность этого периода отличалась добровольностью, энтузиазмом, искренней верой подавляющего большинства населения в социалистические нормы и ценности, в собственные возможности влиять на политическую жизнь страны. Характерными чертами являлись: высокая активность на выборах в представительные органы власти; преобладание разовых поручений и исполнительской деятельности в структуре социально-политических отношений; удовлетворенность основной массы населения собственной общественно-политической активностью.

Широкая вовлеченность населения в общественно-политическую деятельность осуществлялась за счет его участия в партийных, комсомольских и профсоюзных собраниях, выполнения общественных и партийных поручений, разветвленной сети партийного просвещения.

Партийные и комсомольские собрания проходили 1-2 раза в месяц, как правило, на них присутствовало от 83% до 90% от общего количества коммунистов и комсомольцев. Актив производственных коллективов, например, на градообразующем предприятии г. Лесного составляли 36,6% трудящихся (2). Именно они участвовали в подготовке и проведении партийных собраний. От 30% до 60% членов КПСС/ВЛКСМ участвовало в общественной работе периодически.

Наиболее массовыми формами общественной деятельности, организуемой и направляемой, как правило, партийными, комсомольскими и профсоюзными организациями, являлись субботники и воскресники, общественные стройки. В них принимало участие практически все население закрытых городов. Данная форма общественного поведения была настолько популярна, что не хватало транспорта, чтобы доставить всех желающих к месту проведения субботников (3). Так, жителями г. Озерска на общественных началах были построены два стадиона и база отдыха. Комсомольцами г. Новоуральска благоустроены парк культуры и отдыха, пионерский лагерь, дом отдыха "Зеленый мыс". Жители г. Лесного оборудовали несколько стройплощадок, первый городской стадион, принимали участие в строительстве Клуба молодежи, нескольких школ; комсомольцами завода возведен цех заготовки материалов комбината ЭХП.

На субботниках и общественных стройках трудились не только молодежь, проживающая в общежитиях, но и семейные пары. Например, на строительстве кинотеатра "Космос" в г. Снежинске нередко можно было видеть детские коляски: молодые родители, участвовавшие

в субботниках, не имели возможности передать детей на чье-либо попечительство, но и не отказывались от общественного мероприятия.

В 1947-1948 гг. ЦК партии предпринял ряд мер для укрепления системы партийных курсов и школ в стране, значительно увеличив их количество и число обучающихся. Поскольку население закрытых городов выполняло чрезвычайно важное правительственное задание, идеологические средства воздействия на жителей ЗАТО имели существенное значение, так как направляли общественные эмоции в определенное русло. В результате, более 50% взрослого населения закрытых городов в 1950-е гг. было охвачено различными формами партийной учебы. В большей степени это касалось членов КПСС/ВЛКСМ: обучалось более 60% от общего числа коммунистов и около 50% от общего числа комсомольцев. Беспартийные составляли от 14 до 23% от общего числа занимающихся в сети партийного просвещения (4). Наиболее распространенными были следующие темы лекций: “КПСС – руководящая и направляющая сила советского общества”, “О коммунистической морали и нравственности”, “О советском патриотизме”, “Великое содружество Ленина и Сталина”, “Критика и самокритика – закон развития социалистического общества” и т.п.

Поскольку общественно-политическая жизнь направлялась партийными органами, многие мероприятия были подчинены государственным политико-идеологическим целям. К подобным мероприятиям следует отнести, например, митинги в связи с сообщением Прокуратуры СССР об окончании следственного дела Л. П. Берия. Так, митинги, проведенные в цехах и отделах комбината ЭХП, в различных городских организациях г. Лесного охватили 5634 человека (5). Суть дела и вину Л.П. Берия люди объясняли следующим образом: “Берия и его сообщники хотели в нашей стране возродить капитализм”; “они хотели поставить над Партией и Правительством Министерство Внутренних Дел, подорвать союз рабочих и крестьян”; “Берия – агент империализма, подлый убийца и шпион”. Выступая на митингах, одни были уверены, что суд уже состоялся, и высказывали одобрение решением суда, другие – требовали суда и “самой жестокой кары”, третьи – спрашивали, когда будет суд, и будут ли напечатаны материалы суда в газетах (6). Подобная разнища в представлениях говорит о неосведомленности и недостаточной информированности населения о политических процессах. В то же время, мнения выступающих являлись отражением официальной политической линии.

Тоже можно сказать и об обсуждении октябрьского пленума ЦК КПСС 1957 г. об отстранении от должности Г. К. Жукова. Например, сообщения о собраниях трудящихся г. Снежинска по этому поводу показывают, что решение пленума было одобрено, признано правильным и

своевременным всеми присутствующими. Из выступлений следует, что люди считали Г. К. Жукова “не оправдавшим доверие”, “переставшим считаться с Партией”, “банкротом в политике”, обвиняли его в том, что он “оторвался от жизни армии, от ее политической линии”, “зазнался и зарвался” (7).

Таким образом, выступления на подобных митингах и собраниях следует считать поведением, демонстрирующим лояльность, верность власти. К таким “ритуальным” действиям относятся и собрания по поводу подписания, например, Декларации Правительств СССР, Польши, Чехословакии, ГДР, Венгрии, Румынии, Болгарии и Албании (1954 г.), Обращения Всемирного Совета Мира против подготовки ядерной войны, Декларации Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран и Манифеста мира (1957 г.).

Начиная с XX съезда КПСС в закрытых городах увеличивается количество критических высказываний в адрес советской действительности; снижается общественно-политическая активность населения (что выражалось в уменьшении интереса к текущей партийно-профсоюзной работе). Данные тенденции в большей мере характерны для 1960-х гг. Именно в этот период растет количество граждан, воспринимавших собственную вовлеченность в социально-политическую деятельность формально, а правительственные решения и всю систему власти – как фатально predetermined.

Несмотря на большое количество горожан, искренно поддерживающих действия и решения партии и правительства, были и те, кто испытывал эмоциональную неприязнь, недовольство или враждебность к существующим порядкам. Население закрытых городов в письмах и личных беседах часто обсуждало и сравнивало жизнь в Советском Союзе и капиталистических странах. “В Америке живут во много раз лучше, чем у нас в СССР, – рассуждал житель г. Лесного. – Когда я жил в Архангельске, то видел, какие туда приходят английские и американские корабли, и как одеты англичане и американцы. Я убежден, что народ в Англии и Америке живет хорошо”. Информация, хотя и весьма скудная, о жизни на Западе давала пищу для размышлений. “Я помню, – делился другой горожанин, – как в свое время очень много говорили и писали о плохой и тяжелой жизни народов Германии. А во время войны с Германией мы убедились в том, что немецкий народ жил материально хорошо. За границей жизнь трудящихся далеко лучше, чем у нас в СССР” (8).

Проблемы жизни в Советском Союзе обсуждались не только в сравнении с капиталистическими странами, но и в сравнении, например, с дореволюционным периодом. “Это неправда, что раньше люди жили плохо, – настаивал молодой военный строитель. – Тогда, например, самый бедный крестьянин имел 3 коровы, 2 лошади. Это разве плохо жи-

лось? И колхозов никаких не было. Все, что посеет, уберет – все для себя, а сейчас ... весь хлеб отдает государству, а сам лапу сосет”. “Наши отцы и деды при царском самодержавии жили хорошо, – был убежден житель г. Лесной, – только нам об этом не говорят правды”.

Были распространены критические высказывания в отношении текущих политических и хозяйственных дел. Одни обсуждали первый послевоенный пятилетний план. “Правительство обманывает народ, публикуя в газетах итоги выполнения пятилетнего плана во всех областях народного хозяйства на 100% и более”, – считала работница одной из столовых. “Перевыполнение пятилетнего плана – с начала и до конца брехня. Это все достигнуто только на бумаге, а на самом деле ничего подобного нет, – возмущался пресовщик комбината ЭХП, – Например, если до войны колхозник получал 2-3 кг зерна, то сейчас он из колхоза почти ничего не получает. Вот и судите, как СССР превзошел довоенный уровень в области сельского хозяйства”.

Другие критиковали решение об укрупнении колхозов. “Колхозники станут жить намного хуже, – делилась соображениями жительница закрытого города, – Раньше платили каждому, а теперь сделали уравниловку: кто работает и кто не работает, – получают поровну.” Также считала и другая горожанка: “При маленьких колхозах есть было нечего, а при больших и подавно. Кроме того, налоги на крестьян станут ужасные, да мало того, что налоги платят, подпишись еще на заем. Государству все не хватает, все ему мало, все, как в прорву валится” (9).

Социально-политическая ситуация в стране, начало которой было положено XX съездом КПСС, отразилась и на закрытых городах. С одной стороны, распространяется ожидание изменений в обществе в сторону большей демократизации, с другой – неверие в коммунистическую партию и проводимую ею политику.

Особенно усилились социальный критицизм и скептицизм после разоблачения Н.С. Хрущевым культа личности И.В. Сталина. Для многих это было серьезное потрясение. Вот, например, как описывала свои чувства жительница г. Новоуральска: “В годы Отечественной войны я, как в чистый кристалл, верила в И.В. Сталина, по его зову пошла защищать Родину, ... но, когда я услышала о тех безобразиях, которые делал Берия, находясь на работе совместно со Сталиным, я потеряла идеал борьбы. В тот момент я бы наложила на себя руки, если бы у меня не было родителей” (10).

Как отмечалось в одной из справок, предоставляемых ГК КПСС первым отделом г. Новоуральска, в городе распространены “крайне пессимистические настроения, упадочные взгляды, неверие в коммунистическую партию и проводимую ею политику, элементы анархического нигилизма, ревизия норм и категорий марксизма-ленинизма” (11). По-

добные настроения были характерны и для жителей других закрытых городов.

В то же время решения XX съезда КПСС некоторыми гражданами были восприняты как сигнал к свободе мнений и демократизации. Показательно персональное дело молодого коммуниста А.Г. Ланина, старшего научного сотрудника Центральной заводской лаборатории ПО “Маяк.” На одном из партийных собраний он открыто заявил, что “в партии зажата демократия, недостаточная информация о событиях в Венгрии и Польше, ... в печати мало объективной и полной информации, ... рядовые коммунисты не имеют возможности критиковать вышестоящие партийные органы” (12). Постановлением бюро Озерского горкома партии А.Г. Ланин был исключен из членов КПСС “за антипартийную вылазку, выразившуюся в недоверии к деятельности ЦК КПСС, в дискредитации партийной печати, органов Советской власти и профсоюзов, в восхвалении буржуазной демократии”.

Как показывают архивные материалы, многие разделяли мнения А. Г. Ланина, но предпочитали не делиться ими с широкой аудиторией, обсуждая в частных беседах, в письмах к родственникам и друзьям.

Так, одни выражали крайнее недоверие партии. “Интриги, клевета и вероломство, уничтожение других в борьбе за личные блага”, – так характеризовал партийную верхушку один из жителей г. Лесного (13). “Достаточно, меня затащили в партию и всю жизнь мучат! Сыну своему не разрешу вступать в партию”, – говорил электрик цеха № 1 комбината ЭХП. “Если коммунизм и построим когда-либо, – утверждал житель г. Озерска, – то только не с такой партией и не с такими людьми” (14).

Другие связывали с партийными органами надежды на изменения. “Сейчас мы все с нетерпением ждем XXIII съезда партии, – делился ожиданиями техник комбината УЭХК, – может, он что и сделает, то есть изменит, но надежда слабая. Вся эта новь – “на уровне мировых стандартов”, “экономику – в производство”, “догоним и перегоним” ... ничего не дает и никто не верит, что когда-либо даст” (15).

Некоторые были охвачены чувством разочарования: “Как вам понравился сентябрьский пленум? – писал другу инженер комбината УЭХК, – Уж очень убогими доклады наших лидеров оказались: ... только “я”, на остальное наплевать. Сомневаюсь, что в обществе с такими задатками хоть когда-нибудь стало бы возможно равенство”.

“До съезда летали выше облаков, ждали какого-нибудь облегчения, а выслушали – спустились на землю”; “на самом деле у нас сплошное отставание во всем и одни разговоры”; “хотя прошло 50 лет советской власти, а одни обещания”; “мы научились хорошо говорить, но мало делать”, – такие мнения высказывались студентами на занятиях по экономике и философии (16).

Широко распространилось недоверие к информации, поставляемой прессой, радио и телевидением. “В газетах шумят, что все у нас для народа, а на самом деле – для начальства, – говорил один из жителей закрытого города, – Я этой газетной брехне не верю” (17). “Тебе наговорят и напишут, что мы, советские люди, живем лучше всех в мире, – делился с коллегами по работе рабочий одного из цехов комбината ЭХП, – а на самом деле это не так. То, что пишут в газетах – это одна брехня” (18). “К коммунизму идем в одних газетах. Народ грамотный и понимает, что это одна болтовня”, – рассуждал житель г. Новоуральска (19). Газеты не отражают реального положения дел в стране, – таково было достаточно распространенное мнение.

В связи с недоверием к материалам официальной прессы в 1960-е гг. увеличился интерес к альтернативным средствам массовой информации. Так, городские комитеты партии закрытых городов располагали сведениями об индивидуальных и коллективных прослушиваниях передач ВВС (British Broadcasting Corporation), “Голоса Америки”, “Свободной Европы” (20). Например, в одной из докладных в ГК КПСС г. Новоуральска сообщалось, что работница цеха № 54 систематически слушала китайские радиопередачи и под их воздействием “встала на путь восхваления китайских раскольников”, возводила клевету на советскую действительность и руководство, написала заявление в китайское посольство с просьбой о предоставлении ей политического убежища и китайского подданства (21). Представители первого отдела неоднократно извещали городские комитеты партии о случаях “преклонения” перед иностранной (как правило, американской) модой, культурой, искусством, техникой.

Подобные настроения сказались на снижении политической активности населения. Партийные органы закрытых городов констатировали уменьшение интереса граждан к текущей общественно-политической работе. Так, в г. Лесном отмечалось, что “у многих товарищей, в том числе и у коммунистов (особенно это заметно на заводе) проявляется повышенный интерес только к сенсационным новостям сногшибательного характера, а когда речь идет о том, как советские люди за 50 лет построили социализм, им это неинтересно” (22). Общественные и партийные поручения многие рассматривали “как меру наказания”, стараясь отказаться от них любыми способами, включая угрозы.

Социологические исследования, проводимые в городах Озерске и Новоуральске в конце 1960-х гг., выявили, что большинство коммунистов (до 75%) не принимали активного участия в подготовке и обсуждении вопросов на партийных собраниях. Из них до 17% совсем не выступали на партсобраниях, 37% выступали с периодичностью раз в полгода–год, остальные – раз в несколько месяцев. Собственную низкую активность опрошенные, как правило, объясняли неверием в действен-

ность решений и постановлений (“бесполезно”, “только постановляем, а толку никакого”), зажимом критики и стеснением.

Более 40% опрошенных в обоих городах были недовольны проведением партсобраний, считали, что они “проходят слабо”. Около 40% были неудовлетворены контролем за исполнением партийных решений. Основной причиной этого анкетированные называли общий характер постановлений (“повысить”, “усилить”, “заострить”) и недостаточную ответственность за их исполнение. Подобная ситуация сложилась и в других закрытых городах.

Следует отметить, что в конце 1950-х и особенно в 1960-е гг. критические настроения были характерны для категории населения, находящейся в возрасте от 20 до 35 лет, у многих из них было высшее образование. Влияние возраста и образования на силу “социалистического” стереотипа объяснимо: младшее поколение в меньшей степени испытывало давление официальной идеологии, а высокий образовательный и культурный уровень облегчал восприятие новых, альтернативных идей.

Несмотря на наличие критических высказываний, стереотип о превосходстве социализма над всеми иными типами общественного устройства, глубоко укоренившийся в сознании советских людей, не потерял эмоциональную насыщенность для большинства населения, в том числе и жителей ЗАТО. Это демонстрируют, например, надписи на бюллетенях при выборах в Верховный Совет в г. Новоуральске в 1967 г. Наиболее часто встречаются надписи следующего содержания: “Голосую за любимую Родину, за русский народ!”, “Голосую за мир и счастье всех народов”, “Голосую за вечно живого Ленина, за его мудрые идеи!”, “Голосую за верность и преданность сынов и дочерей нашей Родины!”, “Да здравствует ленинизм!” (23).

Таким образом, вовлеченность в общественно-политическую жизнь в данный хронологический период носила инструментальный характер. Частично она являлась ценностно-ориентированной (то есть включала искреннее принятие системы официальных ценностей гражданами), частично – формально-символической (то есть включала и формальную демонстрацию верности официальной идеологии).

1. Алексеев В.В., Литвинов Б.В. Советский атомный проект как феномен мобилизационной экономики // Наука и общество: история советского атомного проекта (1940-1950 гг.). Вып. 1. М., 1997. С. 298.

2. Текущий архив группы социологических исследований комбината ЭХП. Результаты нестандартного интервью с работниками комбината ЭХП. С. 2.

3. Фонды городского краеведческого музея г. Новоуральска. История комсомольской организации города. 1946-1992 / Сост. О.П. Жидкова. Новоуральск, 1998. С. 5.

4. Подсчитано по: ЦДООСО. Ф. 5673. Оп. 1. Д. 10. Л. 23, 25, 95, 116, Д. 46. Л. 22, Д. 72. Л. 1, Д. 90. Д. 21; Ф. 657. Оп. 1. Д. 71. Л. 7; Ф. 5459. Оп. 1. Д. 57. Л. 52, Оп. 4. Д. 2. Л. 29, 43,

- 44; ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 477. Л. 1, 2, Д. 633. Л. 9, Оп. 2. Д. 565. Л. 11; Ф. 2845. Оп. 1. Д. 1. Л. 86.
5. ЦДООСО. Ф. 5673. Оп. 1. Д. 10. Л. 37, Д. 73. Л. 1.
6. Там же. Л. 39, Д. 73. Л. 10, 11, 21, 30, 69, 77-78, 84, 121, 129, 132.
7. ОГАЧО. Ф. 2845. Оп. 1. Д. 5. Л. 1-11.
8. ЦДООСО. Ф. 5673. Оп. 1. Д. 49. Л. 73, 112.
9. Там же. Л. 113, 114, 156.
10. Там же. Ф. 5459. Оп. 1. Д. 65. Л. 42.
11. Там же. Оп. 14. Д. 18. Л. 36.
12. Новоселов В.Н., Толстиков В.С. Тайны “сороковки”. Челябинск, 1995. С. 189-190.
13. ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 190. Л. 66.
14. ОГАЧО. Ф. 2469. Оп. 7. Д. 2. Л. 104.
15. ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 14. Д. 18. Л. 37.
16. Там же. Л. 51, 56, 57.
17. Там же. Ф. 5673. Оп. 1. Д. 49. Л. 165.
18. Там же. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 8. Л. 70.
19. Там же. Ф. 5459. Оп. 1. Д. 65. Л. 88.
20. ОГАЧО. Ф. 2469. Оп. 6. Д. 1. Л. 108; ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 23. Л. 18.
21. ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 14. Д. 18. Л. 25.
22. Там же. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 28. Л. 9.
23. Там же. Ф. 5459. Оп. 15. Д. 11. Л. 123, 126, 129, 131-133.

Митрофанов В.В. (Нижевартовск)

**Об одной неопубликованной работе С.Ф. Платонова по истории
Великого Новгорода**

В последнее время благодаря пристальному вниманию исследователей к творчеству выдающегося отечественного ученого С.Ф. Платонова в научный оборот введено немало ранее малоизвестных и неизвестных его работ.

Список исследований С.Ф. Платонова до конца 1922 г. был опубликован его учеником Б.А. Романовым (1) и содержит 98 наименований. В.А. Колобковым издана библиография работ ученого с 1923 г. (2), где перечислены издания до 1994 г. Кстати, в последний список трудов С.Ф. Платонова не вошла «Записка об ученых трудах профессора Д.Е. Егорова», опубликованная в 1928 г. (3).

В последнее время вышел из печати ряд работ С.Ф. Платонова, которые по разным причинам не были изданы не только при жизни ученого, но и в последующие десятилетия, например, некролог М.М. Богословского (4), конспект лекции, прочитанной в Новгородском обществе любителей древности (далее - НОЛД) 5 сентября 1912 г. (5). Не обнаружен до сих пор ряд лекций, прочитанных С.Ф. Платоновым в НОЛД перед участниками экскурсии – экспедиции Московского и Петроградского экскурсионных институтов летом 1922 г. (6).

В Российском государственном архиве литературы и искусства (далее – РГАЛИ) имеется небольшой по объему фонд С.Ф. Платонова (№ 406), состоящий из двух описей, содержащих по 14 единиц хранения. Мате-